

при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление; вызывать должностных и иных лиц для объяснений и производства следственных действий при осуществлении досудебного производства и др.

В отличие от проанализированных законов УПК РФ не предусматривает на данном этапе получение объяснений от граждан и должностных лиц; не устанавливает порядок проникновения в жилище или иное помещение для проведения осмотра или задержания лиц, совершивших преступление; не предоставляет права доставлять лиц в помещение правоохранительного органа для разбирательства по сообщению о преступлении и др.

Предлагаем в ст. 144 УПК РФ расширить способы проверки сообщений о преступлениях, включив отдельные полномочия, предоставленные сотрудникам Следственного комитета РФ и сотрудникам полиции, а также право давать поручения органу дознания не только по производству ОРМ, но и других действий (процессуальных, следственных).

Также необходимо отметить, что в настоящее время проведение медицинского исследования живых лиц для определения степени тяжести телесных повреждений при проверке зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях нормативными актами не регламентировано (ст. 144 УПК РФ). Поэтому предлагаем предусмотреть при проверке сообщения о преступлении и право требовать производства исследований живых лиц для определения степени тяжести телесных повреждений и решения вопроса о возбуждении уголовного дела или производства об административном правонарушении (например, по делам о ДТП), определения подследственности (по преступлениям против личности).

УДК 343.123

И.А. Горовая

МОТИВИРОВАННОСТЬ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЗАКОННОГО И ОБОСНОВАННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Законность и обоснованность решения о прекращении уголовного преследования находит свое выражение в надлежащем оформлении (форме) постановления о прекращении уголовного преследования или предварительного расследования. Форма призвана обеспечить правильность по существу, предметную полноту постановления и вместе с тем его точность и убедительность. Статья 251 УПК достаточно подробно описывает формальные элементы, которые должно содержать постановление о прекращении уголовного преследования или предварительного расследования, что, на наш взгляд, является положительным моментом для правоприменительной практики, призывая обеспечить единообразие при составлении данного процессуального акта.

Результаты изучения постановлений о прекращении уголовного преследования, предварительного расследования показали, что формальные элементы, перечисленные в ст. 251 УПК, в основном соблюдаются должностными лицами, составляющими постановления. Однако имеющиеся недостатки при составлении указанных постановлений связаны с изложением их мотивировочной части, что выражается в «формальности» мотивировки. Анализ и оценка доказательственной информации должна быть изложена последовательно и аргументировано, однако зачастую либо вообще отсутствует мотивировочная часть, либо ее изложение сводится к дублированию показаний участников уголовного процесса с использованием копирования текста, полученного в ходе допросов с помощью компьютерной техники, что в силу громоздкости показаний затрудняет восприятие содержания выносимого постановления. Можно предположить, что сотрудники в таких случаях экономят свое время, но таким образом постановление теряет мотивированность, так как при составлении постановления и изложении фактических обстоятельств по делу следует подходить выборочно и указывать те существенные данные, которые влияют на правовую оценку общественно опасного деяния и обоснованность принимаемого решения. Также недостатком при составлении мотивировочной части постановлений является то, что выводы лица, принимающего решение, не содержат привязку к тем фактическим обстоятельствам, которые обуславливают прекращение уголовного преследования, ссылка на которые указывается в резолютивной части постановления. Например, по уголовному делу, возбужденному в отношении С. по ч. 1 ст. 435 УК Республики Беларусь уголовное преследование и предварительное расследование было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК. Вся мотивировочная часть постановления о принятии данного решения сводится к следующему: «учитывая, что в ходе предварительного расследования по настоящему уголовному делу проведен круг необходимых следственных действий, исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, руководствуясь ч. 1, 2 ст. 250, ст. 251 и 252 УПК Республики Беларусь, на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, постановил ...». Полагаем, что указанные недостатки могут быть связаны как с недостаточным уровнем правовой культуры лиц, принимающих решения, так и с несовершенным правовым регулированием указанных аспектов.

УПК не содержит сведений о том, что должно пониматься под мотивировкой постановления, что, на наш взгляд, является существенным упущением. Обратившись к ряду уголовно-процессуальных норм, нетрудно заметить, что в тексте УПК неоднократно используется сочетание «мотивированное постановление», однако только в ст. 350 содержится пояснение о том, что следует понимать под «мотивированностью» по отношению к процессуальному решению – приговору, а именно: приговор признается мотивированным, если в нем приведены доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы принятых им решений. Также ч. 1 ст. 119 предусматривает, что постановление, определение о применении, изменении и отмене меры пресечения должны быть мотивированы, содержать указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и обоснование необходимости ее применения, изменения либо отмены. Обобщив подход законодателя к пониманию «мотивированности» процессуального решения, полагаем, что мотивированность постановления о прекращении уголовного преследования должна строиться на приведении доказательств, обосновывающих выводы следователя, органа дознания о принятии решения со ссылкой на обстоятельства, наличие которых является основанием к прекращению уголовного преследования.

Теоретические подходы к пониманию мотивированности постановления подтверждают сделанный нами вывод. Так, Н.И. Сотников, рассматривая мотивированность постановления как одну из гарантий его законности и обоснованности, полагает необходимым, помимо изложения установленных обстоятельств, указывать конкретные фактические данные (доказательства), подтверждающие правильность принимаемого решения. В.А. Михайлов отмечает, что наряду с обоснованием принятого решения теми или иными доказательствами следователь обязан привести мотивы, на основании которых он принял одни доказательства и отклонил другие, мотивы, на основании которых он пришел к выводу о необходимости применения данного, а не иного основания для пре-

кращения дела. Определяя значение мотивировки процессуального решения как его внешнего выражения законности и обоснованности, Ю.В. Манаев поясняет, что мотивировка является выражением законности решения, поскольку соответствующее требование включено в процессуальные нормы. Но коль скоро мотивировка означает приведение доказательств, обоснование выводов, то в этом смысле она является выражением обоснованности процессуальных решений. Н.Д. Сухарева предлагает понимать под уголовно-процессуальными мотивами, являющимися элементами процессуального решения, совокупность доводов, приводимых следователем в подтверждение правильности своих выводов, при этом разделяет мотивы на фактические и юридические. Так, фактические мотивы отражают анализ исследованных в ходе предварительного следствия доказательств и позволяют понять, на основании чего сделан вывод о существовании тех или иных фактов либо об их отсутствии. Юридические мотивы раскрывают соответствие приведенных фактов и обстоятельств нормам материального и уголовно-процессуального права. Полагаем, что данный подход наиболее полно раскрывает сущность мотивированности принимаемого решения о прекращении уголовного преследования. Таким образом, мотивированность постановления о прекращении уголовного преследования предполагает: 1) наличие в описательной части постановления анализа доказательств, на основании которых следователь, орган дознания принял решение о прекращении уголовного преследования; 2) приведение доводов, указывающих на соответствие фактов и обстоятельств, установленных с помощью доказательств, тем фактическим обстоятельствам, наличие которых является основанием для прекращения уголовного преследования.

С целью совершенствования правоприменительной практики считаем возможным предусмотреть в УПК требование о необходимости изложения в постановлении о прекращении уголовного преследования либо предварительного расследования обоснования соответствия фактически установленных по делу, тем, которые являются основанием для прекращения уголовного преследования, на которые ссылается правоприменитель в резолютивной части постановления, что, по своей сути, и является требованием мотивированности принимаемых уголовно-процессуальных решений. В данной связи предлагаем дополнить редакцию ч. 1 ст. 251 УПК после слов «мерах пресечения» фразой следующего содержания: «доказательств, подтверждающих наличие фактически установленных обстоятельств, являющихся основанием для принятия решения».

УДК 343.1

П.В. Гридюшко

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПРОКУРОРУ ПРАВА ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ПРИВОДАХ ЛИЦ, НЕ ЯВИВШИХСЯ В СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

В абзаце 8 п. 1 Послания о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденного указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454, среди ряда положений, направленных на разработку концептуальных направлений совершенствования законодательства, имеется указание на необходимость изучения целесообразности возложения на органы прокуратуры функций по обеспечению участия в судебном заседании потерпевших и свидетелей обвинения путем предоставления прокурору права вынесения постановления о приводе лиц, не явившихся в судебное разбирательство.

На первый взгляд анализ норм УПК Республики Беларусь, регламентирующих права и обязанности органа, ведущего уголовный процесс, в области применения привода, может свидетельствовать о непоследовательности законодателя в части надления прокурора правом принятия об этом соответствующего процессуального решения. Так, согласно ч. 1 ст. 130 УПК Республики Беларусь в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший и свидетель могут быть подвергнуты приводу по мотивированному постановлению органа дознания, следователя, прокурора, судьи или по определению суда. Как видно, правом на применение привода обладает и прокурор. Однако ст. 294 УПК «Участие обвиняемого в судебном разбирательстве» однозначно определено, что правом подвергнуть приводу не явившегося в судебное разбирательство без уважительных причин обвиняемого обладает лишь суд. Вместе с тем в соответствии с полномочиями прокурора на стадии судебного разбирательства, закрепленными ч. 6 ст. 34 УПК, конкретно определено право прокурора как государственного обвинителя применять меры процессуального принуждения для обеспечения представления суду доказательств, т. е. целесообразность возложения на органы прокуратуры задачи по обеспечению участия в судебном заседании потерпевших и свидетелей обвинения выглядела бы логичной.

Вместе с тем анализ существующих теоретических положений и зарубежного опыта свидетельствует об обратном.

УПК не предоставляет прокурору никаких преимуществ перед другими участниками судебного разбирательства по представлению доказательств, заявлению ходатайств. В то же время закон ставит прокурора в процессуальное положение, отличающееся от процессуального положения иных участников судебного разбирательства. Это не его привилегия, а создание необходимых условий для успешного осуществления возложенных на него функций. Обвиняемый, потерпевший могут реагировать на нарушения закона, но могут и не делать этого. Прокурор же, выступая от имени государства, не только вправе, но и обязан принять меры к устранению нарушений закона, независимо от того, кем они допущены. Речь может идти в одинаковой мере как о составе суда, защитнике, так и об обвиняемом, потерпевшем и т. д. Применительно к рассматриваемой проблеме необходимо особо отметить, что прокурор в судебном разбирательстве не наделен в отношении его участников распорядительными функциями. Более того, он сам должен подчиняться решениям суда и распоряжениям председательствующего судебного заседания.

Проводя сравнительный анализ белорусского законодательства с законодательством зарубежных стран, необходимо отметить, что, например, УПК ФРГ прямо предусмотрена исключительная роль судьи в части руководства рассмотрением уголовного дела. Прокурор и иные участники процесса только с его разрешения могут задавать вопросы подсудимым, свидетелям, экспертам. Судья вправе запретить прокурору и защитнику задавать вызванным им свидетелям вопросы, а также отклонять их. В теории уголовного процесса ФРГ открыто признается, что такое доминирующее положение судьи обрекает прокурора на пассивное участие в судебном разбирательстве.

Уголовно-процессуальный закон как Российской Федерации, так и Республики Казахстан не предоставляют прокурору право принимать решение о приводе (причем не только в суде, но и, в отличие от Республики Беларусь, на стадии предварительного расследования). При этом следует отметить, что в первоначальной редакции УПК Российской Федерации предоставлял право вынесения постановления о приводе и прокурору, однако федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в названную норму были внесены изменения, которые исключили прокурора из перечня участников процесса, наделенных данным правом. Новый УПК Украины также не предоставляет права прокурору в стадии судебного разбирательства принимать решение о применении привода.